

Владимир КОШКИН

Кошкин В.М., Инстинкт веры, журнал "Октябрь", М., 1996, №7, с.139-155.

Владимир Моисеевич Кошкин, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой Харьковского политехнического университета. Автор теоретических и экспериментальных исследований по физике, химии, биологии, статистическому литературоведению

Инстинкт веры, или Чего жаждут боги

Неудержимое движение наций к самоидентификации. Не только на пространствах бывшего СССР. Ирландия, Канада, фламандцы в Бельгии, баски на Пиренеях. И это сейчас, на исходе XX века, когда население Земли смешано. Не только в смысле проживания людей разных национальностей на одной территории, но смешано и в генном смысле.

Всеобщая – всемирная! – эпидемия религий. Что это – возврат к средневековью? Деградация или новое прозрение человечества?

Я хочу обсудить эти явления и попытаться показать, что происходящие процессы дробления нашей, человеческой популяции на основе объединения по тому или иному признаку – явления естественные, подчиняющиеся законам Природы, что эти процессы нельзя (и уже поэтому не следует) остановить – они сами исчерпают себя. Чтобы затем вновь вернуться.

Это покажется, вероятно, уж очень претенциозным проявлением гордыни, но я намерен прежде всего проанализировать Природу Бога. Я, впрочем, не одинок; таким анализом занимались практически все философы. Но более всего укрепляют меня в моем намерении две статьи двух блестящих естествоиспытателей: работа крупнейшего генетика Владимира Эфроимсона – двадцатипятилетней давности¹ и статья Нобелевского лауреата по физике Брайана Джозефсона – совсем недавняя². И хотя первый не мог знать о втором в силу того, что второй еще не существовал на научном небосклоне, а второй не ведал о первом в силу скорее всего языкового барьера, соображения в этих двух работах удивительно созвучны. Я хочу сделать попытку продвинуться еще на шаг – в том же направлении. Этот анализ, надеюсь, ни малейшим образом не заденет Веры каждого. Но каждый волен рассказать другим, если они захотят послушать, разумеется, о своем понимании Бога – величайшего создания всего человечества в интимнейших конструкциях каждого. Послушайте же и голос атеиста во всеобщем хоре сегодняшних религиозных песнопений.

Природа Бога. Кажется, нет более нелогичного сочетания слов. Уж если Бог существует (или присутствует), то Природа – его творение. Я попытаюсь показать, что Природа – первична, а Бог – ее создание. В сущности, я намереваюсь предложить некую, разумеется, качественную модель происхождения Веры и ее символа. Я попробую также применить эту модель к анализу нынешних движений в человеческом обществе, измельчив столь глобальную идею до обсуждения политических дрызг.

Затрудняюсь определить жанр сочинения, которое перед вами. Это и не теология и не наука. Это размышления на вечную тему. В надежде на то, что какие-то силлогизмы покажутся одновременно и новыми, и правильными. Но как бы ни был квалифицирован жанр этого трактата, мне хочется, чтобы легкость тона изложения не показалась читателю несоместимой с серьезностью моих намерений.

Просто я всегда стремился – и меру сил своих – следовать сонету великого Нильса

¹ В. М. Эфроимсон. Родословная альтруизма. Новый мир. 1971, № 10, с. 193—214

² B. D. Josephson. Religion in genes / Nature. 1993. V. 362, p. 583.

Бора: серьезные вещи нужно рассказывать с улыбкой. А уж что получилось – посмотрите.

Естественный отбор и диалектика инстинктов

Природа «заботится» о сохранении вида во времени через выживание и воспроизводство его представителей, но единицей естественного отбора является именно популяция, а не индивид в ней. Это показал Н. В. Тимофеев-Ресовский вместе со своими учениками, которые теперь тоже знамениты. В контексте сохранения популяции «задача» каждого индивидуума состоит в том, чтобы оставить потомство. Эволюция с помощью естественного отбора выработала механизм выполнения этой индивидуальной задачи – инстинкты, управляющие поведением особей.

Введем определение того, что мы в дальнейшем будем называть инстинктом. Проявление инстинкта – очень простые или чрезвычайно сложные действия, совсем не обязательно являющиеся генетическим стереотипом поведения. Инстинкт – это совокупность действий организма, направленных на достижение цели, значимость которой настолько велика, что зафиксирована естественным отбором на уровне генетики. Врожденной является преследуемая цель. Классификация инстинктов – это классификация генетически определенных целей каждого индивида в популяции.

Проследим те из инстинктов, которые прямо связаны с динамикой ее численности.

Инстинкт № 1 – инстинкт самосохранения индивидуума. Не одну цель особи мы будем, конечно, подразумевать: утоление голода и жажды, устранение реальной или предполагаемой опасности «личному» существованию (бегством ли, борьбой). Выживут те особи, которые способны наиболее эффективно удовлетворить свой инстинкт № 1, в этом смысле – сильнейшие. Борьба за индивидуальное выживание предполагает борьбу и с внешними обстоятельствами, и с конкурентами из собственной популяции. Вряд ли индивидуум, кусающий своих соплеменников или расталкивающий их локтями, чтобы ухватить лучший кусок, сознает, что это его эгоистическое поведение на самом деле способствует процветанию популяции. Ей, этой безликой популяции, действительно необходимо, чтобы в борьбе у кормушки, например, победил именно сильнейший. Тогда именно он и получит шанс «векам свой отпечаток передать», оставить потомство с этими признаками, особей, которые тоже будут способны отстоять себя в жестокой борьбе за самосохранение.

Инстинкт № 1 исключительно силен, он возник раньше всех других и у всех организмов – от простейших до человека. Этот инстинкт неустраним.

Что может быть ответной реакцией окружающих на «нахальное» поведение их собрата, действующего по инстинкту № 1? Адекватный ответ – борьба за себя, против указанного собрата. Проявление эгоистического инстинкта самосохранения вызывает у окружающих в той же популяции ответный эгоистический инстинкт самосохранения. Инстинкт № 1 и ответный ему – тождественны: противодействие.

Инстинкт № 2 – инстинкт сохранения собственного генома (или генома самопродолжения особи), действующий, конечно, только при условии удовлетворения инстинкта № 1. Двойной отбор: лучшие по половой привлекательности из лучших по обеспечению собственного благоденствия. Инстинкт половой любви – тоже эгоистический, выражающийся в жесткой конкурентной борьбе у двуполых животных. Но по сравнению с инстинктом № 1 инстинкт № 2 имеет очень важную особенность. Для удовлетворения своего основного инстинкта № 2, как показывает опыт, нужно возбудить ответный инстинкт будущего партнера. И именно не противодействие, а со-действие! Это предполагает, что по крайней мере в продолжение некоего периода времени «влюбленный» индивид демонстрирует черты брачного поведения, соблазняя вождленного партнера теми удовольствиями, которыми именно он (она), претендент, одарит, если партнер отдаст ему (ей) свою благосклонность. Особо изощренная трель соловья или немисливо стройная дамская ножка, тончайший аромат духов или павлиний хвост, роскошь виллы или стихи в

бедной мансарде... Так или иначе, но индивидуум демонстрирует заботу об удовлетворении другого индивида, а не только о своем собственном. Действие инстинкта № 2, таким образом, предполагает наличие неких элементов альтруистического поведения (А-поведение) наряду, конечно, с эгоистическим (Е-поведением).

В ответном инстинкте самки на проявление инстинкта № 2 самца содержится ожидание не только естественного удовольствия, но и естественного патронажа с его стороны, т. е. ожидание альтруистических элементов поведения.

Двуполость – начало социальности, предполагающей не только соперничество, но и партнерство.

Еще более сложен инстинкт № 3 – инстинкт сохранения собственного потомства, материнский (родительский) инстинкт. Он сформировался в естественном отборе только у высших организмов: более длительный период созревания плода, длительное постнатальное развитие, не столь многочисленное потомство... Материнский инстинкт № 3 – прямое продолжение инстинкта № 2 половой любви.

Отощавший волк в голодную зиму приносит волчице с волчатами лучший кусок добычи. Раненая куропатка уводит за собой собаку подальше от гнезда с птенцами. Сохранение своего потомства ценой собственной жизни. Нет ничего более ценного для особи, чем жизнь. Но с точки зрения филогенеза – жертва необходимая, выгодная для выживания популяции в целом. Явно альтруистическая модель поведения. Вне логики Е-поведения. В инстинкте № 3 исключительно сильно проявляется А-тип поведения. Хотя это еще и не любовь к ближнему, а только жертвенная любовь особи к собственным генам. Потомство есть будущее ее генов. Будущее собственных генов, их выживание оказываются для особи важнее собственного, личного выживания. (Будущее важнее настоящего – жажда бессмертия? Жажда «остаться» после смерти?) Действие инстинкта № 3 порой отрицает действие инстинкта № 1. И тем не менее все три перечисленных действуют для выживания популяции. Диалектика! О соотношении А- и Е-поведения в человеческом сообществе и их эволюционном смысле писал профессор Д. К. Беляев. Профессор П. В. Симонов высказал также ряд важных идей по этой проблеме. К ним мы еще вернемся.

И еще одно, исключительно важное. Есть и **ответный инстинкт** – инстинкт ребенка. Ребенок ожидает и ищет спасения у матери. Альтруистического. Безоговорочного. Это ожидание записано в его генах.

Итак, мы с вами проследили основные инстинкты и выяснили, что как эгоистическое, так и альтруистическое поведение, казалось бы, несовместимые, действуют в целях сохранения и развития популяции. Мы ввели понятие **ответного инстинкта** – пассивного – и показали, что в случаях № 2 и № 3 он содержит ожидание со стороны другого индивидуума помощи, поддержки, наконец, спасения.

Инстинкт № 4 и «родословная альтруизма»

В 1971 году я прочитал в «Новом мире» гениальную, на мой взгляд, статью профессора Владимира Павловича Эфроимсона. Я кратко воспроизведу по этой статье пример из жизни шимпанзе, который лучше любых общих слов прояснит идею Эфроимсона.

В джунглях есть только один опасный для шимпанзе краг – это леопард. Тактика его нападения такова. Он таится на дереве возле тропы и бросается на спину жертвы. Сзади. Редко какая из шимпанзе остается в живых после такой схватки. Когда семья шимпанзе (20—30 особей) движется по леопардо-опасной территории, походное построение строго определено. Впереди – глава семьи, старый и сильный самец, первый номер в иерархии. За ним – самки с малыми детенышами, дальше – самцы постарше. Замыкает колонну второй номер в иерархии – зрелый и сильный самец. Если леопард нападает, он бросится на спину именно того, кто идет последним. И это место занимает сильный самец, который по рангу в иерархии и при Е-поведении мог бы обеспечить себе совершенно безопасное место. Но инстинкт № 4, инстинкт сохранения племени – уже не только собственных генов, как в ин-

стинкте № 3 (материнском), но родственных генов – оказывается сильнее в каких-то обстоятельствах(парадоксально!) инстинкта № 1. инстинкта самосохранения.

Инстинкт № 4 – тоже продолжение инстинкта № 3, «понятого» популяцией шире. Торжество альтруистического начала.

Мысли В. П. Эфроимсона из статьи «Родословная альтруизма» стали для меня, тогда еще достаточно молодого человека, неким символом веры в человечество как среду, имеющую в качестве компонента «предусмотренную» Природой социальную мораль. Читая позднее Тинбергена и Лоренца, Домбровского и Шовена, Крушинского и Фабра, я стал с энтузиазмом – средним между спортивным и религиозным – коллекционировать проявления подобного поведения. Вот несколько примеров. Наблюдения за рыбками (не помню уже научного их названия) из каких-то морей в высоких южных широтах. Эти рыбки живут парами и, отложив икру, защищают свое гнездо от возможных посягательств. Сторожит самка, а самец доставляет пищу. Но неожиданно самка исчезает (в описываемых наблюдениях ее просто вылавливал исследователь и, конечно же, оставлял ей жизнь). Тогда самец неотлучно находится на страже, пока не появляются мальки (неизвестно, как он выживает при этом без пищи). Я бы отнес все это к проявлениям инстинкта № 3 – материнского.

Но вот суровый экспериментатор (жизнь!) вылавливает и самца семейства. И что же? Если мимо проплывает другой самец – этого же вида, разумеется,— он забывает свои «личные интересы» и остается на страже чужой – чужой! – икры. По-моему, это инстинкт № 4.

А дельфины, помогающие раненым или обессиленным собратьям выбраться к поверхности моря, чтобы подышать?

Ястреб гонится за ласточкой. У нее никаких шансов. И вдруг в воздух взмывают сотни ласточек (они живут колониями, обычно в обрывистых берегах рек). Нет, они не нападают на хищника, но ястреб тем не менее оказывается без добычи – с носом (ястребиным, конечно): у него «разбегаются глаза». (Как Буриданов осел с двумя охапками сена. Этот же принцип применяют военные летчики, подпуская множество ложных целей для следящего радара.) Каждая из ласточек, отправляясь на сближение с ястребом, рискует собственной жизнью. Инстинкт № 4 – инстинкт сохранения своего племени! А-поведение. Необъяснимо с точки зрения борьбы за собственное выживание.

Разве не стремлением удовлетворить свои А-инстинкты объясняется то, что даже кровавые преступники иногда оставляют жизнь детям. Разве это не А-инстинкт поддержки слабого, распространенный уже даже не на свой биологический вид, когда дельфины спасают в море тонущих людей, а некоторые из нас посвящают свою жизнь защите животных? Муций Сцевола, Альберт Швейцер, Андрей Сахаров – разные по мотивам, но одинаковые по смыслу примеры А-поведения. когда человек жертвует жизнью или благополучием, защищая не связанные с ним генетически группы людей. И вершина А-типа поведения: Он пошел на муки, на распятие, на смерть за все человечество, предоставляя любому из оставшихся жить надежду на спасение.

Итак, двуполым высшим организмам генетически свойственен наряду с Е-типом также и А-тип поведения.

Мне представляется логичным предположить, что у этих животных существует не только вероятность проявить А-поведение по отношению к более слабым особям, но соответствующий ответный инстинкт – генетически заложенное ожидание не только Е-, но и А-поведения со стороны более сильных особей. Это инстинкт ребенка, только социализованный (от слова «социум», а не «социализм»). Разумеется, эти ожидания подкрепляются патронажем слабых со стороны более сильных. Когда особь попадает в критическую ситуацию, опасную для ее существования, и когда стереотипы ее собственного Е-поведения по инстинкту № 1 оказываются неэффективными и не оставляют надежд, индивид – тоже инстинктивно – ожидает (просит) помощи, спасения. Он ожидает спасителя. Возможность этого ожидания, как мы видели, заложена эволюцией в генах. Вероятность для

слабого получить спасение от сильных особей не равна нулю: возможность А-поведения по отношению к слабым заложена в генах.

Вера как социальный инстинкт ожидания Спасителя

В определенном и, вероятно, главном аспекте религия есть надежда на спасение, когда своими силами оно недостижимо.

Спаситель. Вера в него дает Надежду – положительный прогноз собственного будущего. Надежда инициирует действия (остается их цель) и, как известно, умирает последней. Нет, все-таки предпоследней. После нее умирает тот, кто надежду потерял. Человек без надежды не выживает. Вера в спасителя – основание для Надежды в безнадежной для индивидуума ситуации.

Кто же спаситель? Для ребенка – инстинктивно – мать. Из А-побуждений по инстинкту № 3. Для взрослой особи – кто-то сильный из своего племени. Из А-побуждений по инстинкту № 4.

Кто?

Если племя невелико, то это вполне определенная особь. Вожак семьи шимпанзе, который прогонит опасного врага. Или шаман, который излечит от лихорадки. Это конкретный спаситель (один, два, несколько возможных в небольшом изолированном клане). Этот персонифицированный – из крови и плоти – спаситель – не бог! Его знают в лицо. Он конкретен. Могуч, но не всемогущ.

Но вот популяция разрослась. Множественные, изменяющиеся и уже непрслеживаемые постоянно каждым отношения с другими особями. Нет изолированных кланов. Совершенно новые и разнородные проблемы выживания. И вот человек оказывается в жизненно опасной ситуации. Все собственные усилия тщетны.

Сначала он кричит: «Мама!» – это самый сильный инстинкт спасения, подкрепленный с детства одновременно с инстинктом № 1 (ответный инстинкт № 3 по нашей с вами классификации). Но нет помощи!

И тогда срабатывает **ответный инстинкт №4 – в надежде на альтруистический инстинкт № 4 племени**. К кому конкретно вызывает страждущий?

Нет, не существует такого человека.

Но кто-то же должен быть! Ведь так записала эволюция вполне отчетливыми генами на скрижалях хромосом!

И страждущий вызывает ко всему племени – и ни к кому персонально. Это зов о помощи в неопределенную и непостижимую бесконечность. Этот отчаянный зов – к Спасителю. Абстрактному. Неперсонифицированному. Всемогущему. К Абсолютному Альтруисту. Это уже Бог. Пока еще личный Бог, но, как мы видели, он произошел из социального, общественного инстинкта № 4 – инстинкта сохранения племени.

Помощь и в самом деле приходит – иногда, ведь А-тип поведения у людей достаточно вероятен. Стало плохо на улице, и обычно найдется милосердная самаритянка, которая вызовет «скорую помощь». Заболел ребенок, и найдутся те, кто соберет по рублю на его лечение. Просто А-поведение популяции. Но если оно проявилось после зова к Богу, то, разумеется, вызвавший сочтет это Божьим промыслом. Забывая о том, что в десяти других молитвах помощь не последовала. Впрочем, у него есть и интерпретация: плохо выполнял законы Божьи. Но об этом позднее.

Это пока только личная вера в личного спасителя, но еще не религия.

Религия – это вера в Спасителя – общего, одного и того же для большой группы людей. Как могла возникнуть такая общая идея при сугубо личном переживании? Пожалуй, здесь уже нет ничего таинственного. Зов к спасителю вербализовался – у человека! – и мог быть сопоставлен у разных индивидуумов (чему способствовала позднее письменность). Определились общие черты представлений каждого о невидимом спасителе в момент экстатически отчаянного зова. При всей индивидуальности того, что представляет себе

страждущий, взывая к своему богу в минуту отчаяния, „можно установить общие – нет. не черты, а свойства – всех личных богов: неограниченные возможности (всемогущество) и неограниченный альтруизм (всемилодность).

Бог есть общественно-усредненный символ инстинктивной Веры каждого в Спасителя. Этот символ мог возникнуть (или не мог не возникнуть!) именно у популяций двуполовых организмов, практикующих племенной стадный – коллективный – образ жизни и создавших способы обмениваться информацией в своих эмоциях.

Бог – творение Природы. Бог – творение человеческого социума.

Как мы проследили. **Бог – мифологизированный символ ответного инстинкта №4,** выработавшегося у популяции как результат естественного отбора. Разумеется. этот инстинкт закреплён в генах. В этом смысле прав профессор Б. Джозефсон, полагая, что «религия – в генах». Следует, однако, уточнить этот афористический тезис. **Не религия – в генах. В генах – ответный инстинкт № 4 – обобщенный инстинкт ребенка,** который надеется на Спасителя. Еще З. Фрейд и Э. Фромм, анализируя происхождение религии, поняли, что религия – взрослое повторение детского опыта, поиска защиты у родителей (по Фрейду – у отца, наделенного в представлении ребенка высшей мудростью и неограниченной силой). Кажется, в терминах инстинктов и ответных инстинктов, которые мы с вами используем, это удастся выразить, основываясь не столько на экзистенциальном опыте детства каждого, сколько на альтруистическом инстинкте всех, инстинкте, выработанном эволюцией для сохранения популяции и закреплённого в генах всех ее представителей. Воспитание в семье, этой школе альтруизма, и собственный экзистенциальный опыт личности делают человека верующим либо в Бога, либо в альтруистический инстинкт № 4 – помочь слабому. На самом деле, это тождественно. Это есть апелляция к альтруистическому инстинкту в сообществе. Взывая к Богу, мы на самом деле взываем к социуму, к его заложенному Природой в генах общественному фонду А-поведения.

Бог-Создатель

Мы проследили происхождение – генетическое, врожденное – ожидания Бога-Спасителя – мифологизированного символа «ответного инстинкта» № 4. Между тем Бог обладает двумя абсолютными функциями: не только Спасителя – но и Создателя.

Я хотел бы не отклониться уж очень сильно от генеральной линии – анализа коллективного поведения человеческих сообществ, но, уж отважившись, как Иаков, поднять голову к Небу, я обязан высказать все! Здесь это будет очень коротко, только для демонстрации полноты «модели», в равной степени как и полноты погружения ее автора в бездну безбожия. На самом деле, этот аспект столь же неисчерпаем, как и первый. И должен сказать, что лично мне как профессиональному физику он всегда казался более животрепещущим. Уж не знаю, что случилось с нами, но всех потянуло к общению с миром людей. Кто-то из бывших ученых окунулся в отрезвляюще холодную – и признаться, зловонную – купель политики, намереваясь по завету Маркса (в интерпретации Энгельса) изменить мир. Другие, сохранив профессионально свойственную научным работникам брезгливость и априорную склонность к анализу, ограничились попытками только объяснить мир людей. Но все обратились к человечеству. Таково уж наше экстравертивное время!

Итак, о Боге-Создателе. С настойчивостью утверждаю, что и это – обозначение инстинкта, заложенного генетически в каждом из нас.

Что ж это за инстинкт – еще один? Это так называемый инстинкт исследовательский. Не подумайте, пожалуйста, что это профессиональный инстинкт ученого-естествоиспытателя. Он в равной мере выражен и у столь близких нам приматов, и у столь любимых мною дельфинов, и (в лабораторных, конечно, условиях) у крыс... Действие этого инстинкта вы наблюдали сотни раз. Вспомните, что делают ваши кошка или собака, попадая в незнакомую им квартиру: они энергично обследуют помещение. И только после этого

успокаиваются. Такое поведение свойственно всем животным – каждому индивидууму необходимо знать все важное об окружающей обстановке: нет ли опасностей, есть ли пища etc. Вот как замечательно продемонстрировал роль этого инстинкта для особи П. Кроуcroft. описав это в книжке «Артур. Билл и другие»³. Большую часть примеров из жизни крыс я почерпнул именно из этого блестящего исследования. Экспериментаторы помещали в один бокс двух не знакомых ранее друг с другом вполне здоровых самцов. У крыс иерархические взаимоотношения устанавливаются очень быстро и совершенно бескровно. Но сразу выясняется, кто боится. Сильнейший – его назвали Артур – безоговорочно доминировал. И вот иерархически подчиненного Билла пересадили в другой бокс, столь же комфортабельный. Разумеется, первое, что он сделал, это тщательно обследовал новую территорию и, конечно, известным способом «застолбил» свое право на нее. И вот, дождавшись, когда Билл счастливо зажил на своей новой родине, коварный экспериментатор подселил к нему иерарха, знакомого по прошлой жизни Артура. И тут оказалось, что Билл теперь главный! Позднее, впрочем, прежние иерархические отношения могут и восстановиться, но чаще они сохраняются уже в новом виде. Что же произошло? На самом деле, очень важное: Билл удовлетворил свой врожденный исследовательский инстинкт. В отличие от Артура Билл **знает** окружающее. И именно это **знание** сделало его сильнее соперника. Вот, оказывается, какова цена и цель приобретаемой информации. Вот где, оказывается, корни великого афоризма Френсиса Бэкона о том, что **знание – сила**. И вот что за преимущества дает особи наличие у нее врожденного, зафиксированного в генах исследовательского инстинкта.

Несомненно, этот инстинкт входит в комплекс инстинкта № 1 – инстинкта самосохранения, но именно его развитие и привело **животное к человеческому облику**. К культуре, к наукам, к колесу и компьютеру – материализованным результатам исследовательского инстинкта. Где же в этой схеме потребовалось сотворение Создателя? Кажется, здесь хватает «классической» логики «воинствующего материализма». В самом деле, стремление удовлетворить свой жизненно важный, как мы видели, исследовательский инстинкт определяется тем, что индивид получает возможность прогнозировать события и строить свое поведение в соответствии с этим прогнозом (на самом деле, это и есть начало науки). Больше знаний, более мощный аппарат для их обработки – и вероятность правильно выбрать поведение повышается. Индивид сумеет выжить, если сможет провести достаточно глубокий анализ и на его основе синтезировать адекватную линию поведения. Но вот беда: знаний недостаточно, аппарат слаб – глубокие причины явлений остаются непостижимыми для нашего homo sapiens, как и для его недавних предков, хотя и в несколько меньшей степени. Вот он и предсказывает нечто, а «коварная» Природа опровергает прогноз, построенный на неверных посылах. И снова, когда возможности собственного прогноза оказываются драматически несостоятельными, с необходимостью возникает внелогичная, из другого измерения сила – из теоремы Геделя. Все необъяснимое – от Нее. И все сразу – прозрачно ясно. От молнии и грома до странных скачков в эволюции животных. Все, что не могу понять и объяснить, — от Него. Это – Создатель.

Вообще говоря, функции Спасителя и Создателя практически не пересекаются, и в ячыхеских религиях каждый бог специализировался только по своему департаменту. Не станем сейчас обсуждать, по каким причинам Великие религии оказались монотеистическими и как именно произошло это великое объединение в одном Боге. Одна, но бесконечная мощь принципиально привлекательнее и сильнее суммы огромных, но конечных мощностей нескольких разных богов. **Спаситель должен быть и Создателем. Создатель должен быть и Спасителем.** Нет необходимости оставлять две различные силы, две разные сущности, иначе каждая из них не является все-могущей.

Кто был тот мыслитель, который соединил Спасителя и Создателя в одном Боге? Именно этот человек создал современную цивилизацию.

³ П. Кроуcroft. Артур, Билл и другие (все о мышах). М., Мир, 1970, с. 158

Поразителен по устойчивости алгоритм описания свойств Бога из Ветхого Завета. Поразительна глубина постижения евангелистами свойств человеческой психологии, которая только сейчас, благодаря прозрениям Нильса Бора⁴, быть может, приобретет черты количественной – предсказывающей – науки. Но это отдельная тема для обсуждения. Цель же этого короткого раздела только в том, чтобы показать, что с точки зрения предлагаемой автором модели генезис величайшего символа человечества – его собственные инстинкты. Бог – Создатель и Спаситель – в одной сущности есть символ беспомощности человека и символ его Надежды. И вернемся к нашим homo sapiens.

Бог и Люцифер в контексте поведения личности и общества

Страшный, казалось бы, персонаж – Люцифер. Откуда он и, главное, зачем? Бог – символ абсолютного альтруизма. Его противоположность – символ абсолютного эгоизма. Будем называть его Люцифером, выбрав из множества имен (Дьявол. Демон. Сатана. Черт, Мефистофель...) именно это как наименее скомпрометированное, кажется.

Противники ли они – Бог и Люцифер?

Проанализируем личность человека в контексте альтернативных А- и Е-моделей поведения. Условием А-поведения индивидуума является возможность его проявить и, следовательно по меньшей мере выжить и преуспеть в чем-либо, чтобы было чем облагодетельствовать страждущих. Но преуспеть в жизненных делах – значит собрать нечто сверх того, чем располагает страждущий, не имущий этого нечто. Кажется чуть ли не очевидным, что преуспевший эгоистически отобрал это у тех самых ныне страждущих.. В самом ли деле – отобрал? Конечно, это могло быть и буквально так, если речь идет о грабителе или мошеннике. Но оставим их в стороне. Неизмеримо чаще преуспевший действовал совершенно лояльно по отношению к остальной части популяции, ни прямо, ни косвенно не отбирая ничего у других. Просто он был наделен большими способностями, энергией, фантазией, трудолюбием и т.п., чем его собратья (последние очень неохотно соглашались это признать, замечательный пример – библейский Иосиф), и, используя эти качества в своих личных, эгоистических целях, накопил то, что не сумели, не захотели, не были способны (или были ленивы) заработать (в широком смысле, включая не только достаток, но, например, и престиж) его соплеменник». Как бы ни были сложны «трофические» пути каждого успеха, это действия, направленные на удовлетворение собственного, личного благополучия, комфорта (тоже в очень широком понимании). И поэтому установка личности— это поведение по инстинкту № 1. Даже тогда, когда это, например, самоотречение, его побудительным мотивом тоже может быть личный комфорт— например, удовлетворенное честолюбие. Так следует ли осуждать Е-тип поведения, если все, что создано человечеством (и даже далеко не только материальное), это результат выраженного Е-поведения людей – эгоистического поведения⁵.

И вот теперь-то преуспевший индивид может дать волю своим инстинктам № 2, № 3 и № 4 – ему есть, что предложить своему потенциальному супругу, чем поддержать своих детей и что пожертвовать на организацию столовой и больницы для бедных, на премии для ученых, на меценатскую поддержку музея. Наконец, на строительство храма во славу именно А-типа поведения человечества и его символа – Бога. Храм, воздвигнутый эгоистами во славу альтруизма.

⁴ Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., ИЛ., 1961, с. 152. N. J. Folse. The philosophy of Niels Bohr. North-Holland Personal Library, Amsterdam-Oxford-N.-Y.-Tokio. 1985, p. 236.

⁵ В христианстве движение реформаторства привело к смягчению категорического осуждения Е-поведения. Я склонен видеть в этом героическом акте изменения религиозной догмы реакцию сообщества на эволюционные изменения, произошедшие за несколько десятков веков с социумом. И; в ветхозаветной цивилизации было особенно важно максимально противостоять, сугубо эгоистическому инстинкту № 1. С развитием информационных и технических возможностей человечества жесткое осуждение действий по инстинкту № 1 стало тормозом развития. Протестантство существенно ослабило это ставшее архаичным требование.

Принципиально невозможно существование индивида только с А-типом поведения. Он не мог бы выжить. Даже Иешуа, хоть и сын Бога, но человек – согласно легендам пил вино и закусывал сыром и маслинами, когда, вероятно, знал, что где-то вблизи или вдали умирал от голода его соплеменник. Существует нижний предел альтруизма, который обеспечивает возможность выжить в реальной биологической и социальной действительности. Так что среди живых существ чистые альтруисты, свободные от «скверны» эгоизма, отсутствуют принципиально.

Не выживает и человек со стопроцентным Е-типом поведения. Ведь он использует только инстинкт № 1, ответным которому является противодействие окружающих. У самых отъявленных преступников обнаруживаются черты и А-поведения – с подругами (инстинкт № 2), с детьми (инстинкт № 3), с соратниками из своей среды (инстинкт № 4). Иначе – незамедлительный ответ окружения в том же ключе – главным образом, гаечном.

Реальному человеку присущи черты обоих типов поведения. В одних ситуациях он демонстрирует Е-тип, в другом А-тип. Только большая совокупность поступков дает статистическое основание судить о мере альтруизма и мере эгоизма в каждом из нас. И это измеримо в собственном смысле слова «измерить». Именно так и действуют современные психологи (Айзенк, Осгуд-Гилфорд, Кеттел), оценивая количественно с помощью полярных шкал разные психологические черты личности (интроверт – экстраверт, оптимист – пессимист и т. д.) или убеждения человека (патриот – космополит, конформист – неконформист и проч.) и проводя затем статистическую обработку этих оценок. Получаются значимые и устойчивые характеристики личности. Точно так же социологи получают достоверные сведения о психологии общества.

Возвращаясь к нашим более абстрактным рассуждениям, мы станем утверждать, что какой-то человек – эгоист (или альтруист), если в статистике оценок множества его поступков преобладает Е-тип поведения (А-тип) по сравнению со средним статистическим весом такого поведения в популяции в целом. И это совсем не означает, что этот человек совершает только Е- или только А-поступки. Я много писал об этом в связи с количественным исследованием черт психологии поэтов по ее проявлениям в творчестве⁶. Не стану подробно разяснять сейчас детали таких построений. Мету альтруизма личности или популяции можно определить вполне количественно. Ну например, как предлагал когда-то остроумнейший человек профессор А. И. Китайгородский. Постоять у входа в метро и подсчитать, какая доля прошедших людей придержит пружинную дверь, чтобы она не хлопнула по лбу следующего позади. Неплохая мера человеколюбия! Или (это посложнее) определить, какую часть своих доходов обеспеченный человек отдает на благотворительные нужды... Уверяю вас, все мыслимые тесты покажут нестопроцентную долю эгоизма, так же, как и альтруизма. И у личности, и у популяции.

И Бог, и Люцифер живут в каждом из нас одновременно. Они – два полюса, два крайних, предельных проявления. Бог, всемилостивый и всеальтруистичный (он требует стопроцентного А-поведения) и Люцифер – самоковарнейший и всеэгоистичный (он рекомендует стопроцентное Е-поведение).

Оба они бескорыстны. Ни Богу, ни Люциферу не нужно ровно ничего для себя. Им не нужно обеспечивать свое выживание. Поэтому они «недоступны звону злата». Как и Бог, Люцифер лишен черт эгоистического поведения. Они не-существа, они символы двух начал, двух типов поведения человека. Как мы видели, ни человек, ни человечество не могли бы выжить, если бы отсутствовало любое из этих начал.

Так враги ли они – Бог и Люцифер?

Скорее они партнеры в джентльменской игре в теннис. (Простите мне прозрачные

⁶ В. Кошкин. Жизнь духа как объект количественных исследований. Сучасність (Современность). Киев 1995, № 6, с. 158—162; В. Кошкин, Л. Фризмэн. Исчисления души или коллективный анализ как метод литературоведения. Вопросы литературы, 1995, № 4, с. 91—103; Вероятностный мир психологии и статистики лирики. Сб. «Кентавр» под ред. Д. С. Данина. М., Маджистерим, 1996 (в печати); Быть поэтом. Опыт статистической литературометрии. Человек. М., Наука, 1991, с. 79—82.

параллели – не нашел более подходящего образа. Он не содержит иронической окраски: просто теннис – действительно уникальная игра.) Бог играет за цвета популяции в целом, Люцифер отчитает интересы индивидуума в ней – в этом и состоит интрига вечного матча. Как только перевес Люцифера становится значительным, тут же усиливается давление социума на свободные проявления личного Е-поведения, подача переходит к Богу. Сокрушительный удар – смэш, и Люцифер посрамлен. А-поведение усиливается. Религия крепчает. Преступность искореняется. Искусства выхолащиваются. Все, что производится, делится более или менее поровну. Свобода проявлений личности подавляется. Инициатива индивидуумов падает, и хиреет производство. Общественный фонд А-поведения скудеет совсем уж материально. Народ снова неудовлетворен. Тут уж подача переходит к Люциферу. Инстинкт № 1 начинает действовать посильнее. Надо выжить! Уже каждому в отдельности – ничего не поделаешь! Хитрая «подрезка» мяча, подача по линии – на грани нарушения Правил! Инициатива личности процветает, промышленный подъем, мошенничество, рабочие места, гомосексуализм, изобилие, гангстеры, расцвет искусств, коррупция – словом, все цветы индивидуальной свободы Е-поведения. Но когда каждый борется сам за себя и слишком сильно нарушается равновесие Е- и А-поведений, общество поляризуется, градиенты достатка растут – возрастает социальное напряжение. И тут-то (путем ли выборов, путем ли революций) популяция снова передает подачу Богу. Потенциал производства нарабатан, на какое-то время хватит. Время заняться уравнительным перераспределением. И маятник снова качнулся к преобладанию А-поведения. От либерализма к тоталитаризму. А потом назад – от клерикализма к безбожию. А потом снова – от частной инициативы к государственной монополии.

Я сознательно смешал экономические, религиозные и политические термины, поскольку, как мы увидим, их колебания имеют одну природу.

Салонными соображениями о политическом маятнике мы все уже пресыщены. На самом деле все это проявления действия так называемой отрицательной обратной связи. Динамическая устойчивость – это поддержание системы вблизи точки равновесия; а не в самой этой точке, где все процессы прекращаются. Когда динамически устойчивая система отклоняется от точки равновесия, возникают силы, стремящиеся вернуть ее назад, и она начинает двигаться к равновесной точке. Но система инерционна и, набрав скорость, проскакивает эту точку и отклоняется в противоположную сторону. И так далее. И организм, и популяция – такие динамические системы. Стационарное их состояние – это процесс колебаний вокруг равновесной точки. Жизнь – это процесс. И сохрани Бог (или Люцифер побери), чтобы система остановилась в точке равновесия. Это и есть смерть. Организма, популяции, социума. И в символическом, и в прямом смысле слова.

Вот несколько объективных, количественных закономерностей, которые представляют собой нечто более существенное, чем привычные наши разглагольствования на кухне.

Специалистам хорошо известны так называемые «длинные волны в экономике», обнаруженные Н. Д. Кондратьевым (само собою разумеется, во времена триумфа всеобщей любви – А-модели поведения в нашем обществе – Кондратьев был расстрелян: уж больно талантливым был. слишком отличался от вождя среднего). Кондратьев успел все-таки показать, что экономический статус колеблется с периодом около 50 лет. Эти периодические подъемы и спады в экономике свойственны всем странам, независимо ни от этнических особенностей народов, ни от преобладающего способа ведения хозяйства. Известный математик С. Ю. Маслов сделал открытие, на мой взгляд, не меньшей важности. Анализируя архитектурные стили за несколько веков, он в результате статистической обработки экспертных оценок обнаружил, что классический стиль и романтический чередуются на протяжении столетий. То преобладает классицизм, то барокко. В.М. Петров и О.И. Данилова обнаружили такие же колебания стиля в музыкальной композиции. Оказалось, что эти колебания имеют период около 50 лет, и Маслов показал, что они почти синхронны с колебаниями экономического индекса страны. В наших статистических

исследованиях (см. сноску 6) удалось обнаружить 50-летние циклы изменения фундаментальной психологической характеристики личности — доли интровертности (обращенности к себе, к внутренним переживаниям) и экстравертности (обращенности к окружающему миру) в усреднении по социуму. С.Ю. Маслов обнаружил, что «архитектурные» волны несколько опережают экономические, а мы показали, что психологические волны по крайней мере не запаздывают по отношению к экономическим. Маслов был склонен видеть в этой поразительной синхронности проявление смены парадигм в обществе. И хотя можно предложить с десяток достаточно непротиворечивых нелинейных моделей (в духе И. Пригожина), которые, впрочем, вряд ли удастся сейчас количественно проверить, я склонен согласиться с идеей С. Ю. Маслова.

Парадигма общества в контексте нашей статьи – это преобладание А или Е-модели поведения по отношению к некоему среднему, равновесному. А изменение психологической парадигмы запускает механизмы экономических изменений.

Первична общественная психология, общественное производство – вторично!

Вот так и качается А – Е-маятник, определяющий экономику общества и его психологические предпочтения. Бог и Люцифер соединены нерушимой отрицательной обратной связью («отрицательный» здесь не означает «плохой»). Вот так и играют в теннис два предвечных и неразлучных соперника. И никто из них никогда не выиграет матч.

Инь – янь, инь – янь, инь – янь... Смэш! Переход подачи.

«Божественно умна» стратегия и чертовски хитран тактика

Бог и Люцифер играют инстинктами все-таки через посредство каждой личности. Каковы же приемы, которые они используют? Мы видели, что все перечисленные инстинкты так или иначе работают в пользу выигрыша популяции, но всегда инстинкт № 1 и отчасти № 2 совпадают с интересами индивидуума, а инстинкты № 3 и № 4 действуют именно для популяции и, в общем, противодействуют эгоистическому выигрышу данной особи. Богу, играющему за популяцию в целом, а на самом деле так называемому «общественному сознанию» популяции необходимо было выработать такие приемы, чтобы исполнение альтруистических инстинктов казалось эгоистически выгодным каждому индивидууму. И это было сделано коллективным гением человечества.

Что может быть предложено в качестве пряника и кнута – оружия управления, если речь идет о всемогущей силе Спасителя, проявления которой эфемерны и промысел которой никогда не бывал доказательным? Ведь никакая религия не в силах объяснить такую несправедливость, когда отпетый мерзавец наслаждается дарами жизни, а признанный праведник испытывает несчастья. Бог обещает счастье раю только после смерти и тем только, кто выполняет коллективный договор с ним, подписанный Моисеем от имени человечества. Тем же, кто не выполняет, предстоит вечный ад. Тоже посмертно. Эксплуатация абсолютно непроверяемого – качества загробной жизни, т.е. эксплуатация страха живого перед небытием.

И непознаваемому Богу человечество в целях своего самосохранения присвоило именно оружие, такое же принципиально непознаваемое, как Он сам: суд после смерти. Смерть – единственный абсолютный страх живого. Скорее всего это страх неведомого – исследовательский инстинкт не может быть удовлетворен. Религия дает **непроверяемую картину неведомого будущего**. Это есть единственный, но невероятной силы стратегический прием, которым располагает Бог в его соревнования с Люцифером.

Мы видели, что заповеди Моисеевы есть вербализованная и мифологизированная запись инстинктов, заложенных Природой. Бога действительно следовало выдумать! Законы Моисеевы – это договор каждого человека с человечеством. И, если хотите, договор человека с самим собой. Под угрозой смерти (или лучше сказать, под угрозой вечного ада). Преступление перед законами Цесаря можно скрыть и не быть наказанным. Преступление перед законами Бога не может быть сокрыто. Он видит все – по определению. И

действительно, не может быть сокрыто, ибо в каждом из нас есть А-инстинкты. Неустрашимые, пока мы живем. Наши А-инстинкты ревностно следят за Е-инстинктами (как и наоборот, впрочем!). И поэтому каждый сам себе соглядатай. И уж от себя не скроешь! Это говорят в нас А-инстинкты. голос которых **мы называем совестью** – ответственностью перед окружающими и в той же степени перед самими собой.

Итак, эксплуатация страха перед неизвестным загробным существованием – вот сокрушительный удар Бога в соревновании за души.

Что же Люцифер? Ведь он непрост, если Бог от начала веков сражается с ним, но не побеждает. Инстинкт № 1 – первичный, самый основной из основных. На самом деле тактика Люцифера чертовски проста и потому тоже гениальна. «А вы видели загробную жизнь? Да нет ее вовсе! (Здесь я склонен с грустью поверить Искусителю.) А потому наслаждайся жизнью, круши все подряд, если тебе это доставляет удовольствие или пользу! Е-поведение – вот смысл жизни. Живи для себя, пусть другие позаботятся о себе сами!»

Хитрый прием, не правда ли? Инстинкту борьбы с собственной смертью (инстинкт № 1) можно противопоставить только почти равный ему по силе инстинкт страха перед тем, что будет после смерти (как ни парадоксально, что-то вроде инстинкта самосохранения после смерти!). Бог предлагает блаженство – но в неведомом будущем, по вечное, но ценой лишения и этой жизни. Люцифер тоже предлагает блаженство – но краткое, но сейчас и здесь, но ценой страданий и ненависти окружающих. Религия – это свод правил поведения индивидуума в социуме. Бог – это запрет. Бог – это несвобода. Люцифер – это полное отсутствие запретов. Люцифер – это ничем не ограниченная свобода для удовлетворения желаний индивидуума, жизнь только для себя.

Отец Сергей последовал первому совету, Фауст в подобных обстоятельствах послушался второго. Оба, как я понимаю, несчастны. Лично мне более симпатично решение пана Твардовского из поэмы Адама Мицкевича. Если помните, гуляка Твардовский продал душу черту за какие-то услуги. А когда пришло время отдавать долг, наш герой, имевший в запасе исполнение еще одного своего желания, потребовал от черта вполне невинного:

...покуда год прилежно
Послужу я Сатане,
Послужи ты пани нежно.
Мужем будь моей жене.

Разумеется, черт испугался такой перспективы и был посрамлен.

Как мое появление в изумительно стройной и действительно непротиворечивой логике учении, происшедших от Ветхого Завета, столь явный «поддавок»? Как мог Всевышний отдать Люциферу почти в полную эксплуатацию любовь мужчины и женщины? Запрет на любовь, на двуполое размножение (партеногенез, что ли?) отменил бы все проявления А-поведения, не было бы ни наук, ни искусств, ни техники... Бога бы не было! Ведь Он, как мы видели, порождение А-инстинктов именно двуполой популяции.

Зачем вообще было оперировать бедного Адама, зачем было сооружать гениталии и делать соответствующий грех столь сладостным? Разве Люцифер, а не Бог искушал, провоцировал соблазн?... Это был первый сет, выигранный Люцифером.

Но я не склонен квалифицировать это как ошибку его партнера. Бог просто подарил Люциферу ракетку, чтобы эта игра – жизнь – вообще состоялась.

Но, выпусти Люцифера из бутылки, справиться с ним уже нелегко. Сами знаете!

Инстинкт № 5 и синдром Сатурна

Мы видели, что инстинкт самосохранения (№ 1) – чисто эгоистический (оружие Люцифера). В половой любви (инстинкте № 2) уже содержится некая доля А-поведения. В родительском инстинкте (№ 3) А-доля уже велика. Коллективный, социальный инстинкт № 4

уже чисто альтруистический – гегелевское отрицание инстинкта № 1. Но диалектика мудра, как Бог, и коварна, как Люцифер. В недрах коллективного поведения возникает еще один инстинкт, противодействующий симпатичному инстинкту № 4.— инстинкт прореживания популяции. Присвоим этому опасному инстинкту № 5. Проследим, как он появляется и проявляется в человечестве, к сожалению, уже сейчас достаточно сильно. Но начнем с животных.

Известно, что даже в жестоких сражениях полового отбора самец-победитель ни у оленей, ни у волков, ни у птиц не уничтожает соперника. «Ворон ворону глаз не выклюет». «Не убий!» – эта заповедь уже существовала в мире животных инстинктов и была только вербализована Моисеем. Достаточно знака покорности побежденного – и никакой жестокости со стороны победителя сверх той, что была необходима для победы. Разумеется, тоже элементы А-поведения. И весьма оправданные популяционно: слабейшие могут оказаться исключительно важной частью популяции и быть единственной перспективой сохранения вида при резко изменяющихся условиях существования⁷.

Но вот что происходит с этим умиляющим альтруизмом, когда численность популяции на единице площади увеличивается. Эксперименты с крысами. Корма много, хватает всем. Площадь экспериментального бокса большая. Крысиное сообщество самоуправляется. Раздел и разметка территории: сильным побольше, слабым поменьше. Иногда небольшие стычки, но ни одного трупа, даже крови. Но вот плотность крысиного населения растет: за счет ли естественного приплода, или экспериментаторы добавляют в бокс особей. И начинается нечто совсем другое, хотя пищи по-прежнему вдоволь всем. Первая кровь. Первые трупы убиенных. Поедание крысят. Сообщество крыс меняет психологию. Меняется даже физиология: аменорея и выкидыши у самок. Популяция «хочет, но неумолимые законы развития популяции требуют именно этого. Выживание популяции требует самопрореживания и антиальтруистического поведения каждой особи в этих условиях.

Массовый суицид крохотных грызунов – леммингов в Северной Европе. Массовые самоубийства гигантов-китов... Я не знаю причин, этих массовых движений, но во всех случаях одно и то же: популяция сокращается в результате действия особей, ее составляющих. Почему-то это выгодно по ее (популяции) собственным законам, а индивидуальная особь «лично» отрабатывает эти законы (разумеется, их не сознавая), умерщвляя ближних, умерщвляя потомство, умерщвляя себя.

А теперь посмотрим на наше с вами человеческое сообщество. Транспортные аварии. Экологические – техногенные бедствия. Сознательное умерщвление себе подобных приобретает перманентный и массовый характер. Рост числа суицидов, в том числе коллективных. Браки без детей – по физиологическим ли, по социальным ли причинам. Об умерщвлении собственных детей все чаще сообщают газеты. Количество аборт растет. Нерепродуктивный гомосексуализм захватывает сексуально активных граждан. Новые болезни. СПИД, делающий опасным инстинкт № 2 – продолжение рода. Противозачаточные средства пропагандируются правительствами. Планирование рождаемости в Китае предполагает не только премии за малодетность и санкции за превышение нормы сокращенного воспроизводства, но поощряет и стерилизацию.

Не кажется ли все это поразительно сходным с тем, что происходит в популяциях животных? Механизмы саморегуляции численности различны, но одинаков конечный результат.

Популяция находит пути не только для расширенного воспроизводства себя, чему способствуют инстинкты № 1, № 2, № 3 и № 4, но и для уменьшения своей численности. Апокалиптический инстинкт № 5, инстинкт самопрореживания популяции тоже, конечно, коллективного, общественного происхождения.

Что за пусковой механизм этого инстинкта? Не мальтузианская ли это идея о

⁷ В.М. Кошкин. Ю.Р. Забродский. Этологический механизм естественного отбора. Журнал общей биологии. 1980. т. 11, № 1. с. 377—3Х4.

преобладании роста населения над ростом массы продуктов питания и недостатке еды? Мне кажется, дело по крайней мере не только в этом. Крысы были сыты, когда начали убивать друг друга. Рождаемость сокращается в сытых странах. Вакханалия массового убийства, этнического, религиозного, бытового, на мой взгляд, все это – естественное порождение цивилизации, а не голода.

Кроме общего роста численности человечества, происходит то, что и является предметом и смыслом цивилизации, – накопление информации и ускоряющийся темп ее поступления к каждому.

По-видимому, человек не смог (пока?) адаптировать себя к информационным потокам такой мощности. Индивидууму – даже подсознательно – эта излишняя информация мешает, он чувствует себя дискомфортно в этом потоке автомобилей и лиц, телевизионных мельканий и призывной рекламы. Отсюда дистресс (именно патогенный дистресс, а не благотворный стресс, как показал Г. Селье). депрессии, психические расстройства, стимулирующие, как известно, затем и соматические. Именно этот переизбыток информации изменяет характеристики психики людей, делая ее в целом, усредненно по нашей общей больнице, более агрессивной по отношению к окружению. Это и есть адаптация общества к самому себе.

И у крыс все так же. Слишком много усов и хвостов в поле зрения каждой, вполне миролюбивой исходно мышки. И на каждый хвост инстинктивно, рефлекторно даже – какая-нибудь реакция. К этому избыточному информационному потоку крысы при большом их скоплении на малой площади адаптируются изменением психики. На агрессивную.

Эмоционально дискомфортен не только дефицит информации об окружении, но и ее избыток. Это непосредственно следует из теории эмоций П.В. Симонова. Каждый индивидуум стремится минимизировать (или оптимизировать?) поток информации, которую ему надлежит переработать. Есть необходимость, скорее всего тоже на уровне инстинктов, в информационном покое – «праздность вольная, подруга размышленья». Для волков и крыс это достигается разметкой территории, через границу которой не должен переступать чужой. Пока популяция не очень многочисленна, необходимый информационный покой обеспечивается, а если нет, то возникает тот самый общий агрессивный синдром.

У людей ферромонная разметка территорий, насколько я осведомлен, уже не практикуется. Состоятельные люди в Бостоне и Нагое, Канберре и Москве стремятся жить подальше от многолюдья крупного города. И дело не только в экологии, дело в защите от дистресса избыточной информации. Но у человека в отличие от волков и крыс нет возможности уйти от информационного избытка: расстояния перестали разделять. Не спасают ни изолированная комната в коммуналке, ни собственный коттедж – сигналы распространяются со скоростью спета и вторгаются в жизнь каждого через любые стены. Свой дом перестал быть крепостью – дистанционное проникновение информации.

Не столько количество человеческих особей на единицу площади обитаемой суши – плотность популяции – **определяет этот дистресс, сколько плотность информационных потоков на одну изнемогающую душу.** Когда информация стала массовой, тиражированной, сравнительно немногие источники создают избыточные информационные потоки для каждого из всех.

Не думаю, чтобы это можно было устранить. Цивилизация характеризуется именно своими информационными и энергетическими возможностями (на мой взгляд, это могло бы быть чуть ли не определением цивилизации). И как бы это ни было скорбно (или радостно?), но технические возможности, достигнутые человечеством, оно уже не сможет не использовать, не откажется от них никогда. Поэтому благородная борьба против распространения атомных электростанций, например,— это именно борьба с ветряными мельницами. Действительно благородная⁸...

⁸ Я совсем не дальтоник, а зеленый цвет мне глубоко симпатичен. Ну, разумеется, нужно стремиться ослаблять вредные следствия цивилизации. Ну, конечно, это гуманно. Но я не могу удержаться, чтобы не напомнить, может быть, в излишне наукоподобной форме о том, что существует строгое неравенство

И вот цивилизация, развиваясь, подчеркиваю, неудержимо развиваясь, в отношении технической мощности, пользуется все еще инстинктами №№ 1—4. но именно это развитие столь же неуклонно создает предпосылки для самопрореживания: возбуждает инстинкт № 5 и **синдром Сатурна, пожирающего собственных детей**.

Оказывается, древние предвидели такое развитие событий!

Похоже, действительно высшее благо популяции в этих обстоятельствах – сократить темп размножения (физиологическое отрицание инстинкта № 2), поедание собственных детенышей (психологическое отрицание инстинкта № 3) и уж, конечно, никакой поддержки слабым: наша, как и крысиная, любовь к ближним исчезает (тоже психологическое – отрицание инстинкта № 4). Диалектика не дремлет!

Падение ценности человеческой жизни в современном обществе – результат действия инстинкта № 5, который так же заложен Природой, как и четыре перечисленных ранее.

Похоже, Люцифер нашел-таки возможность усилить свою игру!

Боги жаждут крови, или Воинствующий альтруизм

Происходящее вызывает смятение личности. Сначала все, у кого остается все меньше надежды на себя самого, тянутся к Вере – к общественному фонду надежды, фонду А-поведения. Это еще не богоискательство. Это пока богозаискивание. Всемиловитый же помогает все реже и реже: А-инстинкты притупляются, выступают инстинкты № 1 и № 5.

Чем же отвечает религия на изменение психологии общества? Религия по-прежнему, как и в средние века, запрещает аборты и борется с контрацепцией. Когда догматы формировались, это действительно было полезно для человеческой популяции в целом: она имела свободные информационные емкости для развития и роста, но теперь, несомненно, наносит ей вред. По-моему, это безнадежная попытка противопоставить догмы велению Природы, распорядившейся уменьшить популяцию. Эта «инерция стиля» опасна.

Так Люцифер, не дай Бог, и победит. Будет очень плохо, если церкви лишатся прихожан, которые просто не имеют возможности, даже желая этого, поступать согласно устаревшим правилам. Ведь выполнение их ставит каждого в ситуацию, заведомо чреватую преступлением против поощряемых церковью А-инстинктов № 2 и № 3, не говоря уже об инстинкте № 4, который быстрее других А-мотивов устраняется из общественного поведения. Догматы религии вступают в противоречие не только с практикой жизни, но и друг с другом и подрывают корни религии.

Верующие в инстинкт № 4 и не получающие подкрепления ему и реальной жизни ищут нового Бога или модификацию предписаний того, кого продолжают считать символом А-поведения общества. А-инстинкты, в частности, те, которые мы назвали ответными, принципиально, по определению, апеллируют к сообществу. Слабому необходимо ощущать себя частью большого сообщества, которое имеет свой общественный А-фонд поведения. Поэтому ищущий нового бога, нового Спасителя на самом деле ищет единомышленников (или лучше сказать «единочувствующих»), поскольку поиски утраченной или новой веры – более дело чувств, инстинктов, чем мыслей).

Обездоленные и обезнадеженные собираются вокруг какой-либо сильно или слабо модифицированной веры и наиболее талантливых ее пропагандистов. Так возникают секты в старых религиях или новые малые боги и их пророки на земле. Дробление верований – знамение конца этого тысячелетия и предвестник новой реформации. Это реакция на усиление поведения № 5.

Клаузиуса-Бриллюэна, повествующее о том, что выработка информации и полезной энергии непременно сопровождается ростом энтропии, хаотичности, если хотите, вредных последствий в окружающей среде, которые принципиально не могут быть компенсированы с использованием тех же самых источников полезной энергии и информации, против которых как раз и борются малахитно-изумрудные движения. Это даже не кафтан бессмертного Трифона. В обсуждаемой ситуации каждая новая латка на ткани Природы расходует не только ее же клочок, вырезанный в другом месте, но расходует и часть ткани вокруг дырки, которую мы вознамерились залатать.

Каждый принявший новую веру объединился в незримом сообществе с единоверцами, надеясь на их А-поведение по отношению к себе.

Оттого, что какие-то единоверцы объединились в одной конфессии, а другие в другой, общая возросшая, как мы видели, в силу естественных причин агрессивность популяции в целом не уменьшается.

Но каждый теперь ожидает агрессивного по отношению к себе поведения, главным образом, со стороны иноверцев. Так возникает вражда конфессий. Уровень Е- и даже Е-сатурнианского поведения не снижается, конечно, от введения еще одного символа. Ослабляются Е-разборки внутри конфессии, но множатся межконфессиональные конфликты. «Мой бог не запрещает убить его врага!» Вера нетерпима к иноверцам. «Враг моего бога – мой враг!» Количество убиенных не сокращается. Наоборот, растет. Ведь при массовых конфликтах используются массовые средства убийства. Все материальные достижения цивилизации – на службе умерщвления.

Антигуманное поведение именем Бога? Казалось бы. абсурдно. Но альтруизм, оказывается, избирателен. Общественный фонд альтруизма только для своих. Для «наших». «Кто не с нами, тот против нас!» А мы соответственно против него.

Это – **воинствующий альтруизм**, как ни парадоксально это словосочетание.

Помните замечательную формулу советских коммунистов о классовом смысле гуманизма? Пролетарский гуманизм («Не убий!», например) – для своих. И непримиримая борьба с буржуазией, в том числе с проявлениями неклассового и. следовательно, «слоняво-интеллигентского» общечеловеческого альтруизма.

Не подумайте, что я отклонился от обсуждения противостояния конфессий. Классовое объединение, на мой взгляд, сродни профессиональному. Когда пролетариев всех стран призывают к объединению, то это не экономическая акция, поскольку у пролетариев разных стран задачи этого сорта различны. Что же касается именно коммунизма, то это действительно религия. Коммунистические заповеди мало отличаются от заповедей Моисеевых. Об этом писал, например, лауреат Ленинской премии мира епископ Кентерберийский преподобный Хьюлетт Джонсон в книге «Христианство и коммунизм». И был прав! Вспомните замечательно альтруистичный моральный кодекс строителя коммунизма.

Как выяснилось, однако, эта религия недолговечна⁹. Коммунизм несостоятелен как вера. Пообещав прижизненный рай для «нынешнего поколения советских людей», коммунизм сделал надежду проверяемой в отличие от устойчивых религий, которые сулят рай непроверяемый, посмертный. Материализация рая потребовала материализации бога, т.е. создания Идола¹⁰, того, кто берет на себя ответственность за выполнение обещаний этой религии. Имя этого идола человечество запомнило навсегда. Коммунизм – неизбежно религия с персонифицированным богом. Поэтому как клерикально-политическая система коммунизм принципиально сводится к тоталитаризму. Что это такое, человечество тоже помнит, но я далеко не уверен, что замечательные, абсолютно нереальные на самом деле идеи всеобщего альтруизма не овладеют массами вновь в условиях распространяющегося синдрома инстинкта № 5, чтобы стать новой разрушительной материальной силой.

Не сравнить по масштабам межконфессиональную резню Варфоломеевской ночи с трагедией Ольстера и Боснии, с классовой (читай – межконфессиональной) резней буржуев и пролетариев времен гражданской войны в России. Нет, не сравнить масштабы: две сотни еретиков, безжалостно сожженных церковниками Европы за несколько столетий действия инквизиции, и 30-миллионные жертвы 30-летней «зачистки» на «освобожденной» от

⁹ Не стану обсуждать безнадёжность экономической доктрины коммунизма, которая в идеале устраняет Е-поведение и сохраняет только А-тип его. Мы уже убедились на практике, что этот способ добывать пропитание сообществу неэффективен принципиально. Не следует бороться с Природой, она все равно победит.

¹⁰ «Не сотвори себе кумира...» Этот запрет обеспечивает нетленность Бога и дает ту необходимую неопределенность, которая в Боровском смысле дополнительности обеспечивает достаточную точность вероятностных прогнозов. Но об этом когда-нибудь отдельно, если Бог и социум оставят такую возможность.

буржуев территории России или многомиллионные жертвы «культурной революции» в Китае.

Образование массовой агрессивной общности, конечно, не есть только прерогатива религий. Межнациональная неприязнь, пожалуй, не менее устойчива, чем межконфессиональная, а военные конфликты между странами не менее смертоносны, чем межрелигиозные столкновения. Я хочу сказать, что природа этого одна – та, которую мы обсуждали выше. Я думаю, что национальные объединения – это не отголоски веры в давних деревянных или каменных богах разрозненных племен – до укрупнения, глобализации религий. Общность ожидания А-поведения легче достигается при единстве языка, особенностей темперамента, традиций, личного набора культурных ценностей, как бы скуден он ни был. Легче понять друг друга при прочих равных условиях. Наконец, просто привычность облика, похожесть «экстерьера» обеспечивают а priori более высокую вероятность объединения в надежде на А-поведение собеседника¹¹. Все непохожее инстинктивно, и у животных тоже, вызывает, по крайней мере, реакцию настороженности, иногда страха, иногда агрессии. Для инородца более высока вероятность быть отторгнутым или не быть кооптированным в эту общность. И так далее (см. выше) – объединение на этнической идее для того, чтобы создать свой, не религиозный, а национальный фонд А-поведения. В одном случае **мифологизированный символ Бога**, в другом – **фетишизированный символ Нации**. Символы Спасителя индивидуума, надеющегося на общественный инстинкт № 4 внутри сообщества, особенно в условиях сатурнизации окружающей жизни. Символ общего Спасителя столь же силен, как символ общего врага. И обладает столь же грандиозной объединяющей силой. Эти символы дополнительные и уж никак не противоречат друг другу. И какая-то нация – «uber alles». и «Gott mit uns...», и Освенцим. Это была Германия. Может оказаться любая другая страна.

Боюсь, что масштабы самоуничтожения будут расти и дальше. Сатурнизация общества будет усиливаться. Человечество как система действует, чтобы выжить, уничтожая себя. Эти действия антигуманны по отношению к каждому индивидууму. **И как бы это ни было чудовищно и страшно, это нужно осознавать.**

Повторяю, дело не в возросших технических возможностях уничтожения людей, дело в значительно более глубоком – неизбежном развитии синдрома Сатурна инстинкта № 5. А технические возможности просто соответствуют той потребности, которую она (популяция) ощущает сегодня.

Родословная оптимизма

Если анализ, который мы с вами провели, в какой-то степени верен, то разрушительное действие инстинкта № 5 неустранимо и будет возрастать. Это Природа. Для каждого из нас, воспитанных на основе инстинктов № 2, № 3 и № 4, наблюдать и ощущать на себе сатурнианскую агрессивность окружения – это крушение веры и нередко судьбы. Но, как я старался показать, бороться с Природой – это плевать против ветра, это бороться с ветряными мельницами.

Так что же, человечество утонет в собственных экскрементах, устроив перед

¹¹ Я знаю, как замечательно играют киевское «Динамо» и московский «Спартак». Я видел феноменальный «Милан», блистательную «Барсу», божественный «Аякс». Но с молодых ногтей и до сегодняшней лысины я болезненно болею за свою бездарную, родную команду харьковского «Металлиста». Не так ли возникает то, что сегодня почтительно именуют национальным менталитетом? Но не до шуток! Помните футбольную войну между двумя латиноамериканскими странами в шестидесятых? А войну по футбольным же причинам между двумя африканскими странами, по-моему, в 1994-м? Регулярные войска, армии с пушками и танками, с ранеными и убитыми в праведной войне за поруганную национальную идею. Анекдотично? Страшно! Очень легко возбудить национальный, так же как и религиозный, фанатизм, от футбольных фанов до религиозных или националистических фанатиков не длинная дорога. И двинутся навстречу смертельной схватке два дунсинанских холма... Лично я торжественно обещаю, что никогда не подниму меча (мяча?) ни против болельщиков «Динамо» (Киев), ни против болельщиков «Спартака» (Москва)! Тиффози всех стран, соединяйтесь! Вполне доброкачественная дебютная идея, не правда ли?

кончиной роскошные каннибальские пиршества?

Думаю, что этого не случится. Ветряные мельницы бесстрастной Природы вращают жернова своих законов, перемалывая и личные судьбы, и инстинкты популяций. Так же как цивилизация XX века ввела в действие антигуманный инстинкт № 5 как способ адаптации к условиям, созданным самим человечеством, так непременно те же Гегелевы механизмы отрицательной обратной связи системы вскроют, создадут, обнаружат некий незамеченный, не проявлявшийся ранее инстинкт, противоположный инстинкту № 5, действующий теперь уже снова в пользу А-поведения особи и популяции. Не обладая способностями Нострадамуса, я не могу предсказать даты и сроки, когда имеющее место сейчас усиление сатурнианских инстинктов прекратится и маятник снова качнется в А-сторону. Не исключено, что снова сыграет роль какая-то новая религия, объединяющая разные конфессии, как бахаизм, например.

Но при всем моем бездуховном материализме я сохраняю веру. Это вера в Природу и всемогущество отрицательных обратных связей саморегулирующихся систем. (Все-таки это скорее логика, чем вера. Это скорее соображения, чем эмоции.)

Вот то, на чем основан мой уверенный оптимизм в отношении выживания человечества в целом, так же как совершенно определенный пессимизм в отношении возможностей радикально изменить ход и последовательность глобальных процессов какими-то политическими или экономическими, культурными или экологическими мерами. Более того, не исключено, что попытки уж очень большой мощности повлиять на эти процессы приведут, конечно, тоже только на некоторое время, но к результатам, противоположным тем, на которые рассчитывали, предпринимая попытки.

Сегодняшняя Россия. Героическая попытка Горбачева и Гайдара перевести ее с рельсов беспросветной распределительной А-доктрины на путь сбалансированной Е-А-экономики (эгоистический капитализм с альтруистическим лицом). И что же? Всего-то четыре года потребовалось для того, чтобы народ снова призвал к власти коммунистов. Теперь-то, задним числом, все понимают, что нужно было, вероятно, делать что-то побыстрее, земельную реформу, например, что-то очень важное помедленнее, в частности, компенсируя социальную сферу, тяжелую промышленность – инерционные компоненты системы и т. д. И вот в результате мощного и резкого вмешательства в естественные процессы эволюции социума, его Природа с помощью все той же отрицательной обратной связи потянула систему назад, в исходное (безысходное) состояние. Моя Украина – те же процессы.

Как мы видели, это не только у нас: делали как лучше, а уж что получилось... (Успокаивает ли это?) Всякое реальное регулирование, саморегулирование или под действием внешних стимулов, процесс колебательный. Но в большинстве современных стран с устоявшейся уже капиталистической Е—А-доктриной управляющие усилия невелики, они пропорционально отрабатывают сравнительно малые отклонения системы от оптимума, легонько сглаживая природные процессы. Можно проследить, скажем, усиление Е-тенденций при президентстве Рейгана и, наоборот, увеличение А-фондов при Клинтоне. Наше же регулирование близко к так называемому изодромному типу. Идеальный пример – регулировка сливного бачка, извините. Набрался полный до предела – отключился, нажали рычаг – вся водичка вылилась до предела. Вот так и развивается политическая жизнь в наших странах – от одного предельного состояния к другому, тоже предельному. Предельному потому, что дальше просто некуда. Либо чистое А. либо чистое Е в политике. Состояние же общества характеризуется буквой, постоянно находящейся посередине между А и Е. Счастливая же страна – это страна со смешанной в оптимальной пропорции А—Е-политикой с легкими корректировками в ту и другую сторону.

Может быть, мы тоже научимся? Вот тут лично у меня полный пессимизм. Уж если интеллигенция России, впрочем, так же, как интеллигенция Украины, лучшие умы и альтруистичнейшие гуманисты нации, понимающие реальные цели и реальные опасности, не сумели сплотиться перед лицом реставрации коммунизма, то надежд действительно нет.

Это не А-поведение (атрофирован инстинкт № 4 – забыли о благе народа). Это и не Е-поведение (забыли инстинкт № 1 – инстинкт личного самосохранения). По-моему, это следует квалифицировать уже не в терминах психологии, но в терминах психиатрии. Нет Спасителя в нашем Отечестве!

Все равно мы придем когда-нибудь к социальному миру, преодолев сатурнианство. Природа свое возьмет. Только наш путь к миру будет сопряжен с более тяжелыми потерями. Сохраним же **природный оптимизм** и в очередной раз посраим Люцифера!

Все-таки она вертится и, даст Бог. будет вертеться.

*Магистрал*¹²

Что же я наговорил, Господи!

Спаситель и Искунитель – создания человеческой Природы, разыгрывающие вечный теннисный матч при ее, Природы, судействе. Вера – только инстинкт. Религии и нации чреватые массовой агрессивностью. А дух впереди паровоза, т.е. психологические движения общества опережают его экономику. Альтруизм, оказывается, может быть кровавым, а эгоизм – созидательным. В человечестве усиливается синдром Сатурна, а боги жаждут крови. И нет другого выхода, кроме как удовлетворить их желания. А коммунизм не годится даже как религия, и, в свою очередь, интеллигенты не способны что-либо ему противопоставить...

Что же я наговорил, Господи!

Верующий может посчитать кощунством мои рассуждения о природе Бога. Искренний коммунист будет оскорблен моим неприятием этого учения. Профессиональный материалист будет раздражен заявлением о первородстве психологии по отношению к экономике. А высоколобый мыслитель, непосредственно общающийся с горными сферами, возмутится моими потугами низвести высоты Духа до проявлений инстинктов. Даже собратьев-интеллигентов и тех лягнул!

Пролетарии всех стран! Интеллигенты всех конфессий! Извините меня. Если что не так. Я совсем не хотел бы разделить судьбу Яна Гуса или Салмана Рушди...

Я не хотел задеть ничьей Веры и ничьих убеждений. Бог каждого действительно пишется с заглавной буквы. Но у каждого свой Бог. Я уважаю честную Веру и искренние убеждения в любом исполнении, если они не содержат агрессивного начала.

Но больше всего я доверяю альтруистичным эгоистам, тем, кто берет из общего котла меньше, чем кладет в него. Это определение джентльмена. По Бернарду Шоу. Так вот, джентльмены, все тезисы и все филиппики, провозглашенные мною выше, не содержали никакой позитивной программы. Но если бы вы позволили мне произнести последние слова перед тем, как вынести свой приговор, то вот они:

Будьте терпимы!

Это единственное, что зависит только от каждого из нас без различия пола, возраста, конфессии, национальности etc. И это единственное, что может ослабить, демпфировать усиливающиеся колебания почвы у нас под ногами.

Я счастливый человек: у меня много друзей едва ли не во всех странах и, уж точно, на всех континентах. С чашкой ли кофе, со стаканом ли водки, в байдарке или после партии в теннис, в интермедиях ли дискуссий по физике или биологии, мы всю нашу – долгую уже – жизнь обсуждаем вопрос о ее смысле. Это и есть главный вопрос для каждого – вопрос о его Боге. И я благодарен богам моих друзей за то, что наши боги сохранили нашу дружбу. Очень многих я должен поблагодарить за обсуждение той модели Бога, которую я решил сейчас обнародовать. Но среди них я обязан выделить два имени – Юрий Степановский и Игорь Папилов. Их оппонентные или пропонентные соображения были особенно стимулирующими. Спасибо за терпимость.

¹² На всякий случай: магистралом называется заключительный пятнадцатый сонет в венке сонетов. Магистрал строится так, что его четырнадцать строк есть первые строки сонетов, составляющих венки.